

ПУБЛИКАЦИИ

Оригинальная статья / Original paper

<https://doi.org/10.22378/2313-6197.2024-12-3.492-511>

УДК 94(495)"12/14"

EDN: ACTOCS

КОСМОПОЛИС ЭПОХИ ПРЕМОДЕРНА НА ГРАНИЦЕ ЗАПАДНОЙ И ВОСТОЧНОЙ КУЛЬТУР: МНОГОЯЗЫЧИЕ И ПРЕДЕЛЫ ПЕРЕВОДИМОСТИ (НА МАТЕРИАЛАХ КАФФЫ XIII–XV ВЕКОВ)

А.Г. Еманов

Тюменский государственный университет

Тюмень, Российская Федерация

a.g.emanov@utmn.ru

Резюме. Цель: исследовать проблему терминологического определения наиболее выразительных качеств космополиса эпохи преמודерна, где на равных действовали представители западных и восточных конфессий, пользовавшиеся различными письменными и разговорными языками.

Материалы исследования: «Куманский кодекс», составленный в Каффе на рубеже XIII–XIV вв.; выделенный из него массив лексики средневекового урбанизма на трех языках (латинском, персидском и татарском); «Книжица о познании мира» Иоанна Галонифонтского с описанием многоязычия Каффы начала XV в.

Результаты и научная новизна: из «Куманского кодекса» впервые была выделена лексика средневекового урбанизма, она была распределена по четырем семантическим полям: репрезентация космополиса в физической, правовой и социокультурной данности, а также как этической общины. Репрезентация космополиса в физической данности обнаружила неперевоидимость на восточные языки таких латинских терминов, как “*mugus*” и “*vacuum*”, указывавших на значимые атрибуты городского фюзиса – каменные стены и публичные пространства. Репрезентация космополиса в правовой данности выявила невозможность передачи такого понятия, как “*libertas*”, фундаментального признака свободного самоуправлявшегося города; латинский термин “*civitas*”, сообщество граждан, оказался адаптированным в татарском наречии только через согдийский аналог “*känd*”; понятие “*lex*”, закон, было воспринято лишь через еврейское сближение “*torə*”. Репрезентация космополиса в социокультурной данности отразила широкую палитру терминов, обозначавших купцов, торговцев, банкиров, ремесленников, воинов, представителей сферы услуг, образования, индустрии развлечений; большинство из них вошли в татарский язык в качестве заимствований из персидского и арабского лингвистических фондов. Репрезентация космополиса как этической общины показала

© Еманов А.Г., 2024

Контент доступен под лицензией Creative Commons Attribution 4.0 License.
The content is available under the license Creative Commons Attribution 4.0 License.

механизмы переосмысления в монотеистические понятия архаичных мислеобразов предшествующего политеистического сознания; центральное понятие западной культуры “Deus”, Бог, было переосмыслено в самых отдаленных восточных культурах как “Tengri”, как прежде обозначалось верховное божество неба у всех азиатских народов; универсальные для Запада и Востока представления о четырех первоэлементах мироздания и четырех жизненных соках человеческого организма отразили соотношение мира и человека как макрокосма и микрокосма, реально объединяли в единую этическую общину горожан разного исповедания и языковой принадлежности. В исследовании используются методы когнитологии и ментального картирования. Первый позволяет сконцентрировать познавательные усилия на терминах, понятиях, единицах языка, вербальных кодах, в которых осмыслялся космополис эпохи премодерна. Второй дает возможность визуализировать распределение лексических триад по степени позитивности / негативности, близости / отдаленности трансляции смыслов с латинского языка на восточные*.

Ключевые слова: «Куманский кодекс», Каффа, «Книжица о познании мира», Иоанн Галонифонтский, лексика средневекового урбанизма, репрезентация космополиса, метод когнитологии, ментальное картирование

Для цитирования: Еманов А.Г. Космополис эпохи премодерна на границе западной и восточной культур: многоязычие и пределы переводимости (на материалах Каффы XIII–XV веков) // Золотоордынское обозрение. 2024. Т. 12, № 3. С. 492–511. <https://doi.org/10.22378/2313-6197.2024-12-3.492-511> EDN: ACTOCS

Финансирование: Исследование выполнено в рамках проекта, финансируемого Российским научным фондом (грант РНФ № 23-28-01592)

COSMOPOLIS IN THE PRE-MODERN EPOCH ON THE BORDER OF THE WESTERN AND EASTERN CULTURES: MULTILINGUALISM AND LIMITS OF TRANSFERABILITY (ON CAFFA’S MATERIALS OF THE 13th–15th CENTURIES)

A.G. Emanov

*Tyumen State University
Tyumen, Russian Federation
a.g.emanov@utmn.ru*

Abstract. Objective: To investigate the problem of the terminological precision of the most relevant qualities possessed by cosmopolis in the pre-modern world where the representatives of Western and Eastern faith acted equals in various written and spoken languages. Research materials: The “Codex Cumanicus” composed in Caffa at the turn of the 13th–14th centuries; the lexis of medieval urbanism in three languages (Latin, Persian, and Comanian) selected from it; “Libellus de notitia orbis” of Iohannes de Galonifontibus with a description of multilingual Caffa from the early 15th century. Results and novelty of the research: From the “Codex Cumanicus” was first isolated the lexis of medieval urbanism, dispersed throughout four semantic fields: representation of

* Статья подготовлена на основе доклада, представленного на II Международном Уральском историческом форуме «Город в контексте глобальной и региональной истории: к 300-летию Екатеринбурга» (Екатеринбург, Уральский федеральный университет, 7–9 сентября 2023 г.).

cosmopolis in the physicality, legally, the sociocultural data, and the ethical community. The representation of cosmopolis in the physicality found untranslatability to eastern languages such Latin terms as “*murus*”, and “*vacuum*”, calling attention to essential attributes of urban physis – stone walls, and public places. The representation of cosmopolis in the legally data proved the failure to communicate such thing as a “*libertas*”, the key characteristic of a free city; the Latin term “*civitas*”, a community of citizens, was adapted in Coman language only through Sogdian analogy of “*känd*”. The concept “*lex*”, law, was perceived only through the Jewish approach of “*torā*”. The representation of cosmopolis in the sociocultural data did reflect the richness of terms which represented the merchants, traders, bankers, artisans, warriors, and those in the service, education, and entertainment industries; most of them entered the language as a borrowings from Persian and Arabic. The representation of cosmopolis as ethical community explained the rethinking any archaic thought forms of the earlier polytheistic mind moving toward the monotheistic idea; the central concept of Western culture “*Deus*”, God, was reinterpreted in the most distant Eastern cultures as “*Tengri*” like the designation used earlier for the supreme sky deity of all Asian nomads; the universal theories for both West and East about the four elements and four bodily fluids reflected the relation between the world and man, as macrocosm and microcosm, really integrated citizens of different faiths and languages into the ethical community. This research uses the cognitive science and mental mapping methods. The first allows one to inquire on the terms, ideas, linguistic units, verbal codes in which was treated the cosmopolis in the pre-modern world. The second makes it possible to visualize a distribution of lexical triads according to the degree of positivity / negativity, nearness / distance in transmitting meanings from Latin in Eastern**.

Keywords: “*Codex Cumanicus*”, Caffa, “*Libellus de notitia orbis*”, Iohannes de Galonifontibus, lexis of medieval urbanism, representation of the cosmopolis, cognitive science method, mental mapping

For citation: Emanov A.G. Cosmopolis in the pre-modern epoch on the border of the Western and Eastern cultures: multilingualism and limits of transferability (on Caffa’s materials of the 13th–15th centuries). *Zolotoordynskoe obozrenie=Golden Horde Review*. 2024, vol. 12, no. 3, pp. 492–511. <https://doi.org/10.22378/2313-6197.2024-12-3.492-511> (In Russian)

Financial Support: The study was carried out within the framework of a project financed by the Russian Science Foundation (grant RSF No. 23-28-01592)

В отличие от полисов и цивитас древности, где сообщество горожан и соответственно граждан составляли люди одной и той же этнической, религиозной и языковой принадлежности, средневековый город на границе западной и восточных культур очень часто оказывался космополитичным, где на равных могли сосуществовать представители разных народов, конфессий и языковых групп, едва ли не всего известного тогда мира. В этом плане изучение подобных городов представляет повышенный интерес, поскольку позволяет понять природу современного мегаполиса с его взаимодействием и порой столкновением множества идентичностей глобального универсума. Проблемы идентичности городских сообществ премодеерна, их самовосприятия, репрезентации в самых различных формах живо дискутируются в новейшей

** The article is based on the Report presented at the II International Ural historical Forum “City in the Context of global and regional History: for the 300th Anniversary of Ekaterinburg” (Ekaterinburg, Ural Federal University, 7–9 September 2023).

медиевистике. Получены блестящие результаты по эволюции внешних форм позиционирования города в окружающем мире [9; 11], пространственной [10], политической [26], архитектурной [6], живописной [13] и вербальной [25] репрезентаций города эпохи премодерна. Однако в обозначенном проблемном поле явно недостает рефлексии по поводу репрезентации не просто города, а космополиса в урбанистической лексике, да еще на разных языках. Поэтому целью предлагаемого исследования становится выявление свойственной средневековью универсальной парадигмы космополиса, где искусственный порядок «человеческого» мира находился в гармонии с естественным порядком «природного» мира, чего явно недостает современности. Ближайшими задачами выступают определение репрезентации космополиса в физической, правовой, социокультурной и этической данностях.

Как раз случай Каффы XIII–XV вв. предоставляет такую феноменальную возможность. Там на площади 120 гектаров [1, с. 202] трансформировались в единое городское сообщество пять протогородских субъектов: греческий пиргос, Айоц Берд (армянская крепость), Кале-и ягудиан (еврейская крепость), Кипчак-хисар (татарская крепость) и Френк-хисар (генуэзский каструм) [1, с. 218–256]. В общий поток городской жизни слились семь конфессий: греческая, армянская, сирийская, исламская, иудейская, караимская и латинская (Рис. 1) со своими иерархами, простиравшими каноническую юрисдикцию порой на весьма обширную территорию [1, с. 511–523], едва ли не всю Газарию, как в византийских и латинских официальных документах того времени обозначался весь татарский мир [1, с. 30].

В Каффе на равных осуществлялась нотариальная деятельность на греческом, латинском и арабском языках. Все публичные объявления на главной площади и базарах нижнего города делались на татарском, греческом и латинском наречиях. В городском суде действовали официальные переводчики, осуществлявшие перевод на латинский с греческого, армянского и различных восточных языков. Клятвы тяжущихся в суде по обычаям греков, армян, сирийцев, евреев, караимов и татар признавались имевшими равную юридическую силу [1, с. 336–338, 350–352].

Иоанн Галонифонтский (ок. 1350–ок. 1423), доминиканский миссионер, архиепископ Султании, полиглот, посол Тимура к европейским государям, участник Пизанского собора 1408 г., назначенный митрополитом Ханбалыкским (1410), не раз посещал Каффу; именно там он получил назначение на последнюю должность, вероятнее всего, там и завершил свой жизненный путь, не доехав до Китая. Он оставил «Книжицу о познании мира», которая сохранилась в одном-единственном экземпляре в Университетской библиотеке Граца (Hs 1221) [20, fol.41r-127r]. В ней среди описаний многочисленных народов и городов Восточной Европы, Северной Африки и Западной Азии отыскивается весьма любопытное описание Каффы. Иоанн характеризовал этот крымский город как прославленный на весь мир, весьма многолюдный и отличавшийся редкой полиглоссией. Однажды, находясь на городском базаре, он насчитал среди каффских продавцов и покупателей носителей 35 восточных языков [20, fol. 69r; 23, p. 107].

Можно попытаться реконструировать состав восточных этноязыковых групп города. В первую очередь, к ним относились представители восточно-христианских конфессий, различавшиеся по языку, литургии, одеждам и обычаям¹. Среди них были выходцы из Северной Африки, Малой Азии, Балкан, Восточной Европы и Кавказа.

¹ 1. ромеи (греки), представители единственной, но весьма многочисленной греческой языковой группы, опиравшиеся на «Септуагинту», греческий перевод «Библии» в редакции Лукиана Антиохийского, находившиеся в конфессиональном подчинении Константинопольского патриархата;

2. маваринату (марониты / финикийцы), использовавшие сиро-арамейский язык и «Арабскую Вульгату»;

3. малакиум (мелькиты / сирийцы), придерживавшиеся сирийского и греческого языков;

4. иуакиба (яковиты / сирийцы), основывавшиеся на сирийском и арабском наречиях;

5. насатира (несторианцы / сирийцы), признававшие в качестве сакрального языка – старо-сирийский и «Пешитту», свою собственную «Библию»;

6. цагы (хай-хорома / армяне-халкедониты), перешедшие на греческую литургию, но сохранившие армянский язык;

7. хай (армяне-григориане), дорожившие старо-армянской письменностью, грабаром, и «Астрвой», армянским «Священным Писанием»;

8. ахтарма (армяне / униторы), придерживавшиеся латинского церковного обычая, но оставшиеся верными армянскому языку и письму;

9. эрменилер (армяно-кипчаки), потомки смешанных армяно-кипчакских браков, воспринявшие кипчакский язык, кодифицировавшие его с помощью армянского алфавита, но оставшиеся в лоне армянского православия;

10. ниремихими (кубг, акбат / копты), выходцы из Египта, сохранявшие коптский язык в богослужении, но в повседневной жизни перешедшие на арабский;

11. адыгэ (адыги / черкесы), принадлежавшие к абхазо-адыгской языковой группе, избравшие греческое христианское вероисповедание;

12. ирон (аланы, ясы, осы / осетины), относившиеся к западной ветви иранской языковой группы, принявшие греческое христианство;

13. кавказские албанцы, средневековое самоназвание каковых не сохранилось, составлявшие лезгинскую ветвь нахско-дагестанской языковой группы, создавшие свой алфавит, придерживавшиеся греческого ритуала богослужения;

14. зихи (джики, ал-азкаш / абхазцы), входившие в абхазо-адыгскую языковую группу, учредившие Зихскую епархию Константинопольского патриархата;

15. картвели (грузины), составившие ядро картвельской группы кавказской языковой семьи, изобретшие алфавиты асомтаврули из заглавных букв и мусхури из строчных буквенных знаков и создавшие автокефальную Грузинскую православную церковь;

16. лазы (ганы, заны / мегрелы), образовавшие мегрело-занскую (колхидскую) ветвь картвельской языковой группы, следовавшие византийскому канону;

17. русь (русские люди / русские), сложившиеся в результате ассимилятивно-диссимилятивных процессов среди северных германцев (скандинавов), балтийских, финно-угорских народов и восточных славян, сформировавшие восточную ветвь славянской языковой группы и пришедшие к созданию автокефальной Русской православной церкви;

18. ромынь (валахи, волохи, влохи, влахи / румыны), появившиеся в ходе смешения местного дакского романизированного населения со славянами, пользовавшиеся валашским языком восточно-романской ветви романской языковой группы

Затем, состав восточных этноязыковых групп Каффы существенно дополняли носители исламской традиции². Среди таковых были переселенцы из

со значительным объемом славизмов, валашской азбукой на основе кириллицы и относившиеся к православной церкви;

19. молдовень (молдаване), жившие в славянской языковой среде, знавшие кириллицу в дипломатической, правовой, экономической и культурной коммуникации, разделявшие убеждения православия;

20. срби (сербы), относившиеся к южной ветви славянской языковой группы, пользовавшиеся кириллицей и пришедшие к образованию автокефальной Сербской православной церкви;

21. крымские готы, причастные к восточной ветви германской языковой группы, долго остававшиеся верными готской письменности, «Библии» Вульфилы, позиционировавшие себя то как православных, то как ариан;

22. болгар (болгары), получившие развитие в ходе смешения тюркских и славянских народов, обретшие собственный болгарский алфавит на основе кириллицы и свою автокефалию – Болгарскую православную церковь [1, с. 211–214; 3, с. 356–380].

² 23. аль-араб (арабы), составлявшие южную ветвь западно-семитской группы афразийской языковой семьи, знавшие свой алфавит, абджад, почитавшие Коран в редакции Зайд ибн Сабита и Сунну;

24. татарлар (татары), формировавшие кипчакскую ветвь тюркской группы алтайской языковой семьи, исповадавшие ислам суннитской формы;

25. кипчак (команы, куманы, куны, половцы / кипчаки), давшие название кипчакской ветви тюркской языковой группы, придерживавшиеся отчасти христианства православного толка, отчасти ислама;

26. фарсы (персы), относившиеся к иранской группе индоевропейской языковой семьи, последователи ислама шиитской формы;

27. тюрлер (турки), принадлежавшие к огузской ветви тюркской языковой группы, к исламу суннитского толка;

28. монгол хэл (монголы), входившие в монгольскую группу алтайской языковой семьи, знакомые с уйгурским алфавитом, частично с буддизмом, частично с исламом;

29. кьумук (кумыки), дополнявшие кипчакскую ветвь тюркской языковой группы, принявшие ислам суннитской формы;

30. ногайлар (ногаи / ногайцы), пополнившие кипчакскую ветвь тюркской языковой группы, державшиеся ислама;

31. болгары (булгары / волжские булгары), давшие особую болгарскую ветвь все той же тюркской языковой группы, рано воспринявшие арабицу и ислам;

32. уйгурлар (токуз огуз, хотон, чантоу / уйгуры), представители карлукско-хорезмийской ветви тюркской языковой группы, еще в раннее средневековье получившие свой алфавит, разделявшие между буддизмом, манихейством и исламом;

33. карачайлыл (карачаевцы), каковых относят к кипчакской ветви тюркской языковой группы, знакомые с арабицей и исламом;

34. нохчий (ичкери / чеченцы), носители языка нахско-дагестанской группы, достаточно рано приобщившиеся к исламу;

35. маарулал (ярусса, таулу, аварцы / дагестанцы), народ нахско-дагестанской языковой группы, открывший свой алфавит, аджам, на основе арабицы, еще в раннее средневековье познавший ислам;

36. тамазит (берберы / ливийцы), мигранты из Северо-Западной Африки, принадлежавшие к берберской ветви берберо-гуанчской группы афразийской языковой семьи, исповадавшие ислам суннитской формы;

Кордовского халифата и Северной Африки, Аравии и Анатолии, Персии и Центральной Азии, Поднепровья и Причерноморья, Поволжья и Прикаспия, Сибири и Дальнего Востока.

Наконец, к восточным же этноязыковым группам Каффы надлежит отнести adeptов различных направлений иудаизма³.

То есть, в реальности «восточных» языков в позднесредневековой Каффе оказывалось даже больше, нежели это заметил Султанийский архиепископ. Кроме этого, в некоторых нарративных источниках из Каффы упоминались «набатеи» и «хазары» [12, р. 314], однако исторической основы для их сохранения в позднее средневековье нет. Скорее всего, подобные псевдоэтнонимы были проявлением «книжной учености» авторов, в реальности, указывавшие соответственно на представителей семитоязычных народов с территории Ближнего Востока и Аравии и представителей тюркоязычных народов из Предкавказья, нижнего Поволжья, Приазовья, Крыма и нижнего Приднепровья.

Нужно сказать, что и выходцев из Западной Европы в Каффе было ничуть не меньше, поскольку Италии, Германии, Испании, Греции, да даже и Франции как единых стран в Средние века не было, и на их территории существовало множество различных государств, отличавшихся по языку и культуре (Рис. 2). В отличие от восточных переселенцев идентификация западноевропейских мигрантов в Каффу довольно основательно рассмотрена почетным профессором Сорбонны Мишелем Баларом [8, р. 236–243] и недавно дополнена доцентом департамента истории Санкт-Петербургского филиала Высшей школы экономики Евгением Хвальковым [24, р. 183–203], поэтому на ней нет смысла задерживаться.

По сути, космополис Каффа как в капле воды отражал весь известный тогда мир, где были выходцы из самых западных земель, скажем, из Кордовского халифата и пиренейской Андалузии, и из самых крайних восточных стран, в частности, из Монголии; были переселенцы из далеких северных регионов, к примеру, из Исландии, Шотландии и Скандинавии, и из бескрайних южных пределов, как той же Аравии или Персии.

Весьма интенсивное языковое взаимодействие в Каффе документируется разными памятниками. В латиноязычных частнопровольных [7, р. 265, 293, 304, 369] и публично-правовых [28, р. 597–600, 612, 614, 655] актах порой встречаются рядом со словами явно восточного происхождения пояснения по-латински или даже по-староитальянски. У Франческо Пеголотти, флорентийского купца, занимавшего должность гонфалоньера справедливости во Флорентийской республике, возглавлявшего дипломатические миссии к государям Запада и Востока, в его знаменитой «Книге о различии стран» при-

37. бейдан (мавры / пиренейские берберы), переселенцы из Кордовского халифата, приверженцы арабского языка, арабской письменности, абджада, суннитского ислама [1, с. 518–520].

³ 38. бнэй Исраэль (срель балалар, чуфутлар / евреи), представители восточно-семитской ветви семито-хамитской группы афразийской языковой семьи, читившие «Талмуд»;

39. караи (караилар / караимы), почитавшие в качестве сакрального языка древний иврит, «Тору», еврейскую «Библию», но пользовавшиеся в повседневном общении как еврейским, так и тюркским языками [1, с. 520–523].

водились целые ряды терминов, обозначавших одно и то же явление на разных языках средиземноморского мира [19, p. 15–18]. Есть удивительные лингвистические пособия, составленные в Каффе, как одна рукопись из армянского монастыря этого города, где приводились более двух десятков алфавитов самых разных народов Европы, Азии и Африки [1, с. 68–69]. Отыскиваются усеченные копии этой рукописи, например, в Баварской государственной библиотеке (Cod. Lat. 8950) [5, fol. 79r-80v].

Но, пожалуй, самым репрезентативным для задач исследования форм городской жизни является небезызвестный «Куманский кодекс», трехязычный латинско-персидско-татарский словарь [15]. Сегодня нет сомнений в том, что он был составлен на рубеже XIII–XIV вв. во францисканском монастыре Каффы [16, p. 30–33]. Только там были достаточные интеллектуальные силы для подобной переводческой деятельности; там действовали два францисканских монастыря (Сан Франческо и Санта Мария), существовала лингвистическая школа, где обучали восточным языкам, там занимались переводами «Библии» на татарский язык [1, с. 535–536]. Наконец, заказчик несохранившегося оригинала генуэзец Антонио Финале реально мог находиться в Каффе среди нескольких представителей его рода [7, p. 268–269 etc.]. Рукопись сохранилась в одном экземпляре в Национальной библиотеке Марчана в Венеции (Cod. DXLIX), куда она поступила в качестве дара Франческо Петрарки, любившего собирать экзотические тексты. Это – копия 1330 г., где воспроизведены и сведения об оригинале с датой 1303 г. и именем Антонио Финале. Кодекс делится на две части: первая содержит указанный трехязычный словарь объемом 1500 слов, фрагменты переводов на татарский язык «Библии», гимнов, молитв; вторая часть включает немецко-татарский словарь в 500 слов, примеры переводов; она датируется 1340-ми гг.

Из латинско-персидско-татарского словаря выделяется массив лексики средневекового урбанизма, каковой может быть распределен по четырем семантическим полям: репрезентация космополиса в физической, правовой и социокультурной данности, а также как этической общины.

Конечно же, заслуживает самого пристального внимания репрезентация космополиса в физической данности (Табл. 1). Исходным понятием здесь выступает латинское “locus” [15, fol. 39v], во множественном числе “loci”, откуда производно вошедшее во все западные языки слово «локализация». Оно обозначает место, часть земли, словно бы открытое, лишенное очертаний пространство. Однако в частнопроводных актах конца XIII в. таким словом обозначался ранний город Каффа [7, p. 282, 317, 372, 378]. На самом деле, “locus” достаточно четко был отграничен “locia”, физически отчетливо воспринимавшейся границей; это была не просто линия, или черта, это была сплошная стена, поскольку “locia” оказывалась частоколом из деревянных, заостренных сверху столбов [18, vol. V, col. 100b; 21, vol. VII, col. 1373], вбитых по гребню земляного вала вокруг города. Именно этим качеством “locus” позволял ясно и определенно локализовать поселение как город, огороженное пространство. На персидский язык это слово было переведено как “yaga”, а на татарский как “yer” [15, fol. 39v], что указывало на место, землю, поверхность и даже страну [2, с. 257], подчеркивая бóльшую степень открытости.

Важным индикатором западного города были фортификационные сооружения, демонстрировавшие мощь, а именно – каменные стены, по-латински

“murus” [15, fol. 17v], но таковые были неочевидны для носителей персидского и татарского языков. Напротив, номады видели в них не признак силы, а проявление жалкой слабости и откровенной трусости [4, с. 47]; поэтому такой термин не нашел адекватного перевода. Хотя кочевникам все же были ведомы и крепости (castrum = kala = kalaa), и укрепления (fortifica = cauj cun = berchit), и рвы (fossatus = dula = çugur), и валы (valis = dara = enis) [15, fol. 39v]. Но для них укреплением могли выступать уже поставленные рядом друг с другом повозки вокруг ставки правителя и становища, естественные земляные рвы и валы, глинобитные стены.

Космополис в ту пору мог реализоваться только на берегу моря как огромный порт, обладавший развитой инфраструктурой, молами, защищавшими суда на якорной стоянке от волн внешней акватории, пристанями, пирсами, верфями для строительства новых судов, доками для ремонта кораблей и судов, мастерскими для изготовления весел, парусов, такелажа, якорей, навигационных приборов, для копирования морских карт, складами, тавернами, продовольственными лавками, цистернами с пресной водой, гостиными дворами, банями, публичными домами и др. Любопытно, как транслировалось по-персидски и по-татарски латинское слово “portus”, порт, пристань, гавань, убежище моряков, защита кораблей [21, vol. X, col. 59–65]. Перевод был почти одинаков – соответственно “lîmanj” и “lîmen” [15, fol. 20v]. И персидское и татарское слова были заимствованием из греческого языка, где термином “λίμην” обозначались порт, пристань, гавань, убежище и пристанище [27].

Другим показателем развитости западного города были пространства, принадлежавшие всем горожанам, независимо от этнической, языковой и конфессиональной принадлежности. Они обозначались по-латински “vacuum” [15, fol. 28v], то есть публичные пространства, не подлежавшие отчуждению, какому-то частному использованию. Для представителей персидской и татарской культур подобные явления тоже были совершенно не представимы: все земли принадлежали определенным народам, племенам и родам; пустые земли доставались самому сильному народу, посему это слово осталось без перевода на восточные языки. Впрочем, люди Востока все же различали в городе улицы (caminum = ragh = yol), пути (via = ra = yol), мощенные дороги для колесных повозок (carubius = cucia = yol), соединявшие их мосты (pons = pul = çorpu), сложившиеся на их пересечении площади (platea = mahala = makala) и даже городские сады, выразительно называвшиеся по-персидски и по-татарски «бахча» (iardinus = bacça = bacça), и скверы (prato = mogrupar = yax) [15, fol. 39v–40r].

Еще одним признаком самоуправлявшегося западного города были места общего схода горожан, где происходило избрание должностных лиц городского сообщества, признание общегородских статутов. В латиноязычной среде такое место называлось “fogum”. В персидском и татарском городских сообществах это слово было передано как «базар» (= bazar = baxar) [15, fol. 46r], то есть место обмена, торговли, отдаляясь от латинского эталона. Характерно, что персидское по происхождению слово «базар» настолько укоренилось среди

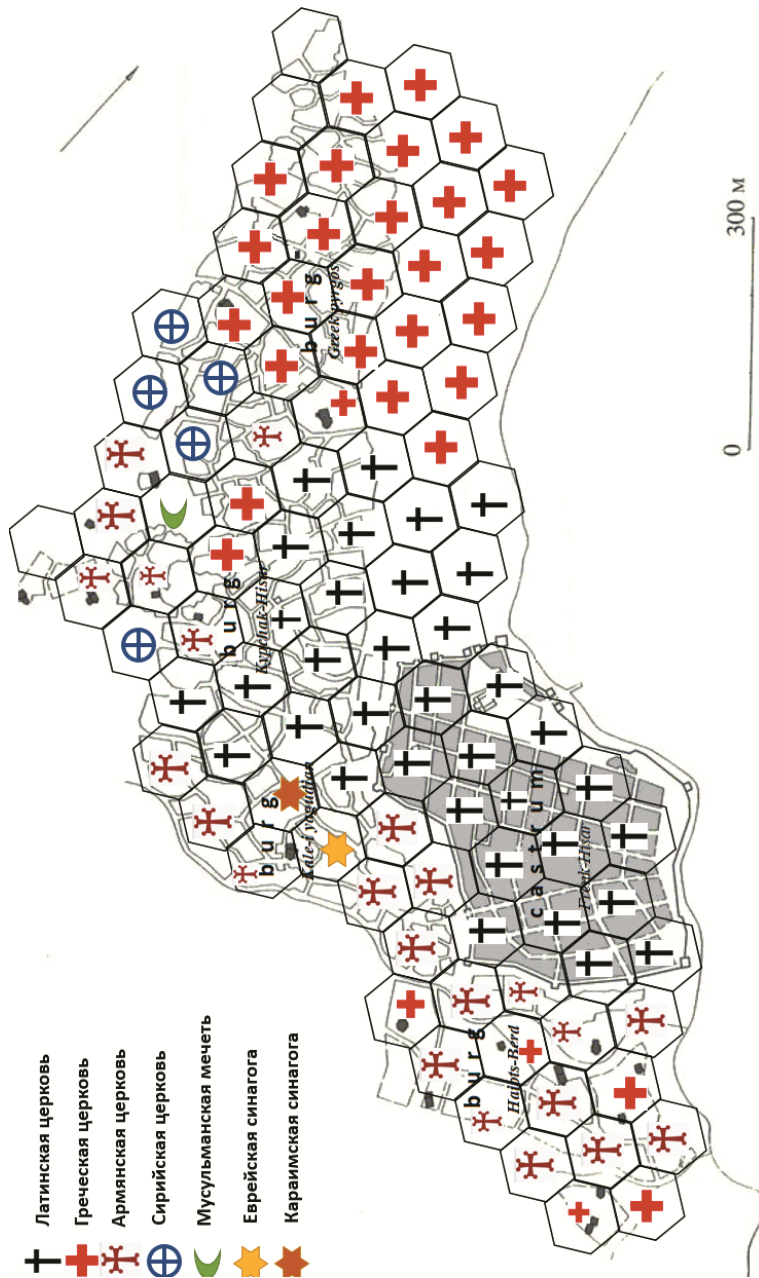

Рис. 1. Конфессионально-лингвистическая топография города Каффы XIV–XV вв.
Реконструкция А.Г. Еманова.

Fig. 1. Confessional-linguistic Topography of Caffa City in the 14th – 15th Centuries.
Reconstruction by A.G. Emanov.

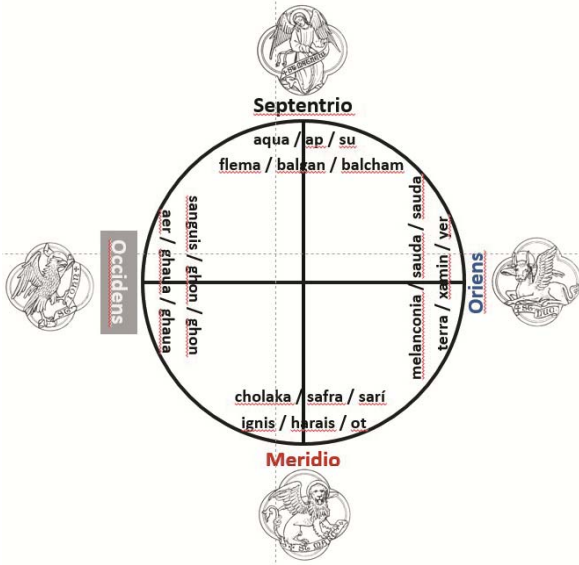

Рис. 2. Ментальная карта доктрины четырех стихий и гуморов (по «Куманскому кодексу»). Реконструкция А.Г. Еманова.
 Fig. 2. Mental Map of the Doctrine of the four Elements and Humors (under “Codex Cumanicus”). Reconstruction by A.G. Emanov.

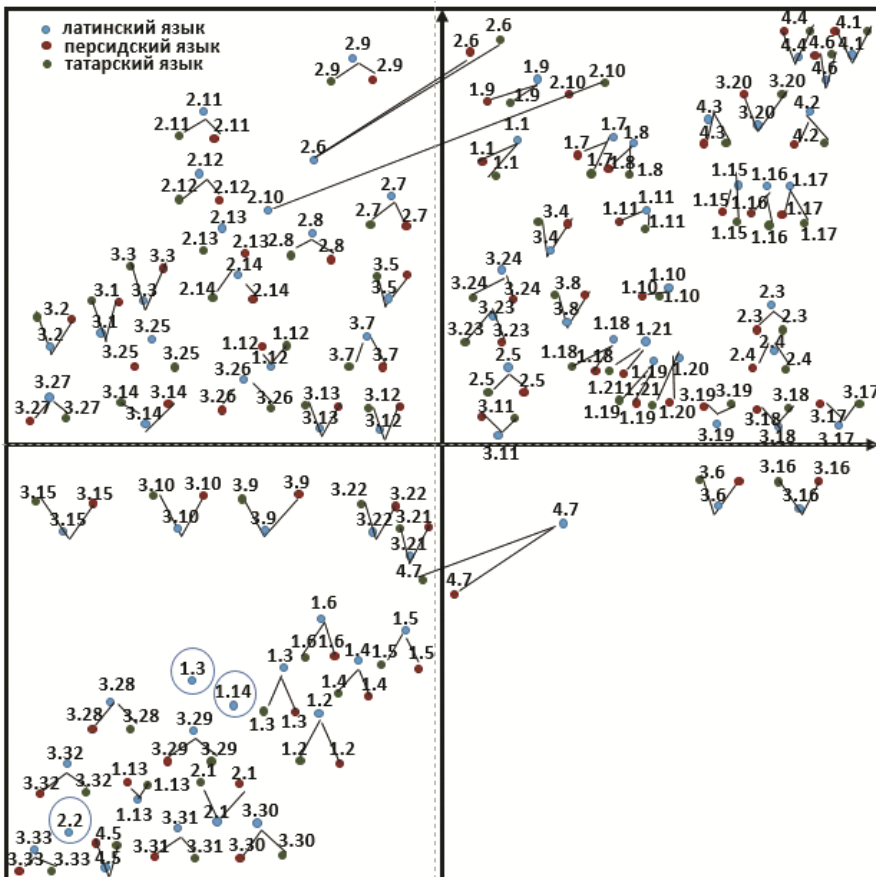

Рис. 3. Ментальная карта соответствия лексических триад средневекового урбанизма (по «Куманскому кодексу»). Реконструкция А.Г. Еманова.
 Fig. 3. Mental Map matching lexical Triads of Medieval Urbanism (under “Codex Cumanicus”). Reconstruction by A.G. Emanov.

проживавших в Каффе генуэзцев, что Пеголотти в 1340-е гг. счел его типично генуэзским, когда приводил термины разных народов для обозначения рынка [19, p. 17].

Для указания на собственно рынок в «Куманском кодексе» было – задействовано другое латинское слово – «меркатум» (mercatum = maamala = satugh) [15, fol. 46r], где прибывшие по морю негоцианты средиземно-морского мира обменивались с купцами, пришедшими с караванами по Великому шелковому пути.

Узнаваемыми атрибутами космополиса как морских врат мира были бани (balneum = garmauoa = yssi su) [15, fol. 5r] всех видов и публичные дома (bordellum = garabat = charabat) [15, fol. 45r], где моряки разных народностей снимали давивший их стресс.

**Табл. 1. Репрезентация космополиса в физической данности
(по «Куманскому кодексу»)**

**Table 1. Representation of Cosmopolis in the Physicality
(under “Codex Cumanicus”)**

п/н	Латинский	Персидский	Куманский / Татарский
1	locus / поселение; город	yaga	yer
2	castrum / крепость	kala	kalaa
3	murus / каменные стены		
4	fortifica / укрепления	cauj cun	berchit
5	fossatus / ров	dula	çugur
6	valis / вал	dara	enis
7	portus / порт	límanj	límen
8	mare / море	dria	tengis
9	forum / форум	bazar	baxar
10	mercatum / рынок	maamala	satugh
11	edificium / строение	amarat	cobarmac
12	balneum / баня	garmauoa	yssi su
13	bordellum / публичный дом	garabat	charabat
14	vacuum / публичное пространство		
15	caminum / улица	ragh	yol
16	via / дорога, путь	ra	yol
17	carubius / дорога	cucia	yol
18	pons / мост	pul	chopru
19	iardinus / сад	bacça	bacça
20	prato / сквер	mogrupar	yax
21	platea / площадь	mahala	makala

Не менее интересные наблюдения дает репрезентация космополиса в правовой данности (Табл. 2). Самое фундаментальное качество западного города, добившегося автономии и суверенитета, – свобода, передаваемое узнаваемым латинским словом “libertas” [15, fol. 17r]. С ним в западной ментальности связаны такие преимущества, как выборность и регулярная сменяемость должностных лиц и судей, аудит и синдикация деятельности чиновников, коллегиальность управления, политическая, законодательная и экономическая суверенность сообщества горожан [21, vol. VII, p. II, p. I, col. 1310–1319]. Но это емкое

понятие не нашло позитивного отклика в сознании людей персидской и татарской языковых культур. Напротив, оно нагружалось негативными коннотациями [4, с. 33] – «свободен» только отщепенец, изгой, нарушивший обычаи своего народа и потому изгнанный и преданный проклятию, лишенный покровительства, опеки и защиты своей родной земли. «Свобода», по представлениям людей Востока, соотносилась с путем не правды, а кривды, она – удел тех, кто сбился с истинного пути, предал традиции предков, впал в девиацию. Не удивительно, что латинское слово со значением «свобода» оказалось без перевода на персидский и татарский.

Другое значимое измерение западного города – гражданская община, передававшееся известным латинским понятием “*civitas*” [15, fol. 39v]. Оно подразумевало открытое сообщество свободных, полноправных и равноправных горожан, к которому мог приобщиться человек любого этнического и конфессионального происхождения, любого социального положения, кто не нарушал норм города, достойно прожил в его пределах год и один день. Этим же термином обозначался и город, достигший наивысшего правового статуса, полной автономии и суверенитета [21, vol. III, col. 1229–1239]. Контексты, связанные с гражданской общиной, оказались чуждыми персидскому и татарскому мышлению. Уловленным остался только городской контекст: по-персидски “*ghachar*”, а по-татарски “*saar vel chent*” [15, fol. 39v]; последнее слово производно от согдийского “*känd*” [2, с. 290], «кенд», указывает не просто на город, а «город-сад», утопавший в рукотворном оазисе, что уводило от правового содержания термина в сторону соприродного существования.

Еще один показатель западноевропейского города – право, достояние всех граждан. Здесь актуализировалось ясное латинское слово “*lex*”, закон, принятый всем сообществом горожан. По-персидски оно было передано как “*dini*”, а по-татарски как “*toura*” [15, fol. 35v]. Последний термин мог быть заимствован из иврита – “*toğə*”, то есть «Тора», сакральный закон, но мог иметь и тюркскую этимологию, от слова “*турэ*” – господин, начальник, руководитель.

Иной маркер европейского города – суд, избиравшийся и регулярно сменявшийся горожанами из своей среды, из числа самых достойных и уважаемых граждан. В латинской терминологии это – “*curia*”. Для передачи на персидском и татарском языках ничего лучшего не нашлось, как привести термины соответственно “*ordu*” и “*orda*” [15, fol. 45v]. На деле, они указывали на ставку, резиденцию, дворец хана [2, с. 370], которому и принадлежало право суда высшей инстанции.

Не избиравшимися фигурами в городском судопроизводстве были секретарь суда (*placarius* = *tataul* = *bogaul*), писец (*scriba* = *nuisenda* = *bacsi*) и переводчик (*torcimanus* = *talamaçi* = *telmaç*) [15, fol. 45v], или толмач [2, с. 366], владевший искусством устного синхронного перевода.

Глава города, консул, обозначался у персов «кади», а у татар – «сери» (*consul* = *chadi* = *seri*) [15, fol. 45v]. А вот командующий военно-морскими силами космополиса – адмирал, термин для обозначения которого вошел в западные языки из арабского «амир аль-бахр» [14, р. 164–165], титуловался персами «соровар», а татарами «чибаши» (*armiragius* = *sorouar* = *çe'ibasi*) [15, fol. 45v]. Для Каффы подобная персона была принципиально важна, поскольку

ку этот город был еще талассополитией и талассократией первого уровня в черноморском регионе, располагая флотом в 50 кораблей.

**Табл. 2. Репрезентация космополиса в правовой данности
(по «Куманскому кодексу»)**

**Table 2. Representation of Cosmopolis in the Legally Data
(under “Codex Cumanicus”)**

п/н	Латинский	Персидский	Куманский / Татарский
1	civitas / сообщество граждан	ghachar	saar / chent
2	libertas / свобода		
3	consilium / совет	paand	chengas
4	concordia / согласие	sazgai	yarasmac
5	paх / мир	isfy	elelic
6	lex / закон	díni	toura
7	consul / консул	chadí	serí
8	dominus / господин	ghoya	bei vel coia
9	armiragiус / адмирал	sorouar	çe’ibasí
10	curia / курия, суд	ordu	orda
11	placeriус / секретарь суда	tataul	bogaul
12	torcimanus / переводчик	talamaçi	telmaç
13	scriba / писец	nuisenda	bacsí
14	censariус / посредник	dalal	talal / miançi

Наибольшей когнитивной плотностью выделяется репрезентация космополиса в социокультурной данности (Табл. 3). Здесь представлены горожане самых разных статусов, профессий, сфер занятости. Ведущую роль в городском сообществе играли купцы, банкиры, торговцы разной специализации, обладавшие наиболее значительной собственностью, накоплениями и, соответственно, влиянием. Несколько ниже размещались ремесленники; из них выделялись кузнецы (*faber = xangar = altunçi*) [15, fol. 42v], изготавливавшие якоря, другие железные детали для военных кораблей и торговых судов; плотники (*magister assie = dugar = cherchí*) [15, fol. 43v], строившие новые и ремонтировавшие старые морские транспортные средства; ткачи (*tesitor = diouachar = iulaghac*) [15, fol. 45r], ткавшие новые и латавшие потрепавшиеся паруса. Заметными были грузчики (*portator = chamal = chamal*) [15, fol. 45r], «камаллы» по-персидски, или «хаммалы» по-татарски, численностью порядка 3 000 человек, селившиеся поблизости от старого и нового портов Каффы [1, с. 380]. В том же ряду находились упаковщики (*ligator = barbanda = baglagan*) и фасовщики (*inpintor = pacas = nacs lagan*) [15, fol. 44v], занимавшиеся в порту упаковкой товаров в надлежащую для транспортировки по морю тару, или, наоборот, их расфасовкой для реализации на каффских рынках и базарах.

Разумеется, были и представители сферы услуг. Это были, в первую очередь, корчмари (*tabernagiус = sarab = siraz*) [15, fol. 44v], держатели корчем, питейных заведений и одновременно постоянных дворов, где ели, пили и ночевали моряки из разных стран Средиземноморья, оказавшись на короткое время в Каффе.

Удивляет присутствие киперов (*catator = serot guenda = urçi*) [15, fol. 45r], ухаживавших за любимыми домашними питомцами состоятельных горожан,

котами и кошками. Предпочтение кошачьих псовым выразительно говорит о восточном колорите городской жизни в Каффе, поскольку левантийцы дорожили котами, тогда как европейцы больше ценили собак.

Довольно-таки много было представителей артистической среды. Среди таковых назывались артисты (*iugularius = mutrub = oinçie mascara*), музыканты (*sonator = mutrub = sobuxçi*), трубачи (*tronbeta = nay = burguç*), шуты (*beffa = tasgar = culmac*) и потешники (*gabon = mascara = eliclamac*) [15, fol. 45r]. В моральном плане все они оценивались довольно сниженно, почему и находились в самом низу городского социума. Но они выполняли важную функцию освобождения от тяжких забот горожан и особенно моряков, постоянно находившихся на грани жизни и смерти.

Ниже лицедеев находились лишь куртизанки (*meretrix = chagba = ersat vel murder*) [15, fol. 45r]. Но и без них была невозможна жизнь космополиса, в обширной гавани которого одновременно находились 200 судов с трех континентов Старого Света с общим количеством моряков более 9 000 [1, с. 425].

**Табл. 3. Репрезентация космополиса в социокультурной данности
(по «Куманскому кодексу»)**

**Table 3. Representation of Cosmopolis in the sociocultural Data
(under “Codex Cumanicus”)**

п/н	Латинский	Персидский	Куманский / Татарский
1	mercator / купец	baxergan	baxargan
2	bancerius / банкир	saraf	saraf
3	venditor / продавец	fogtar	satugzi
4	speciarius / торговец специями	atar	atar
5	emtor / покупатель	ghriaar	aliçi
6	faber / кузнец	xangar	altunçi
7	magister assie / плотник	dugar	cherchî
8	sartorius / портной	keyat	derxi
9	calegarius / сапожник	muxados	eticçi
10	peliparius / скорняк	tauigar	conçi
11	spatarius / мечник	simeser kar	ceiç ostasi
12	curtelerius / ножовщик	cardcar	biçacçi
13	murator / каменщик	banna	diva ostasi
14	tesitor / ткач	diouachar	iulaghac
15	macellarius / мясник	hasap	casap
16	fornarius / пекарь	napas naoua	etmaçi
17	turnarius / всадник	karat	çgrigzi
18	miles / воин	asouar	atlu chsi
19	archerius / лучник	chamanchar	yacçi
20	magister scolarium / учитель	vsta ychat	bitic ostasi
21	barberius / бравобрей	amadar	sachal yuzi
22	tabernarius / корчмарь	sarab	siraz
23	inpintor / фасовщик	nacas	nacs lagan
24	ligator / упаковщик	barbanda	baglagan
25	portator / грузчик	chamal	chamal
26	ortolanus / садовник	bagican	bacçazi
27	catator / кипер	serot guenda	yçi

28	sonator / музыкант	mutrub	cobuxçı
29	iugularius / артист	mutrub	oinçie mascara
30	beffa / шут	tasgar	culmac
31	gabon / потешник	mascara	eliclamac
32	tronbeta / трубач	nay	burguçä
33	meretrix / куртизанка	chagba	ersat / murdar

Очень важные новые наблюдения позволяет сделать и репрезентация космополиса как этической общины (Табл. 4). Для таковой главным объединяющим началом выступал Бог. По-латински Творец обозначался “Deus”, по-персидски – “Ghoda”, Худá, а по-татарски – “Tengri” [15, fol. 35v]. Последнее понятие связано с традиционными пантеистическими представлениями евразийских кочевников, культом верховного божества неба – Тенгри, не имевшего даже намека на антропоморфию [4, с. 60–61]. Богоматерь в латинской среде отмечалась как “Mater Dey”, в персидской – “Mariam caton”, Мариамкатон, а в татарской – “Marian chatun”, Мариан-хатун. Главный символ христианского вероучения всех направлений – Святой Крест, передавался по-латински “Santus Cruх”, по-персидски и по-татарски – “Ghaç” [15, fol. 35v], Хач, что близко армянскому «Хач», хотя у монголов и тюрков было свое понимание равностороннего креста в круге, символа Тенгри.

**Табл. 4. Репрезентация космополиса как этической общины
(по «Куманскому кодексу»)**

**Table 4. Representation of Cosmopolis as ethical Community
(under “Codex Cumanicus”)**

п/н	Латинский	Персидский	Куманский / Татарский
1	Deus / Бог	Ghoda	Tengri
2	Mater Dey / Богоматерь	Mariam caton	Marian chatun
3	Santus Cruх / Святой Крест	Ghaç	Ghaç
4	Paradisus / Рай	Tosak	Vçmac
5	Infernus / Ад	Asman	Tamuc
6	celum / небо	astab	kok
7	presbiter / священник	chasis	hapas
8	aer / воздух	ghaua	ghaua
9	ignis / огонь	harais	ot
10	terra / земля	xamin	yer
11	aqua / вода	ap	su
12	sangius / кровь	ghon	ghon
13	flema / лимфа	balgan	balcham
14	chalaka / желтая желчь	safra	sari
15	melanconia / черная желчь	sauda	sauda

Христианское вероисповедание предусматривало наличие у каждого верующего своего личного духовного наставника, перед каковым подобало регулярно исповедоваться, получать поучения. В латиноязычной культуре это был пресвитер. В тюркском жизнестроении подобный моральный контроль над отдельным лицом был чужд. Поэтому не мог быть подобран соответствующий тюркский эквивалент; единственный выход был найден через

включение в тюркский лексический фонд аналогичного греческого термина “*baras*” [15, fol. 35v; 17, vol. II, col. 1096–1101].

Что касается Рая и Ада, то в этом месте переписчик сбился в строках перевода на восточные языки, и слово «Ад» оказалось в той строке, где персидское и татарское значения соответствовали Раю [15, fol. 35v].

Пожалуй, квинтэссенцией понимания космополиса как этической общины выступает доктрина четырех стихий мироздания и жизненных соков человеческого организма, гуморов, отразившаяся в «Куманском кодексе». Она оказывалась общей для западной и восточных систем мировоззрения, становилась действенной силой для объединения разных народов, языков и конфессий в единое сообщество.

Четыре стихии, четыре первоэлемента мира – воздух (*aer* = *ghaua* = *ghaua*), огонь (*ignis* = *harais* = *ot*), земля (*terra* = *xamin* = *yer*) и вода (*aqua* = *ar* = *su*) [15, fol. 36r]. Они соответствовали четырем сторонам света: Запад, Юг, Восток и Север; отражали последовательную смену сезонов годового цикла: весну, лето, осень и зиму. Они соотносились еще и с христианской истиной, заключенной в четырех евангелиях: от Иоанна, Марка, Луки и Матфея, а значит и с четырьмя их символами – орла, льва, тельца и ангела (Рис. 2). Но самое поразительное, четыре стихии гармонировали с жизненными соками человеческого тела – кровью, желтой желчью, черной желчью и лимфой. А те, в свою очередь, определяли четыре характера человека, четыре его темперамента – сангвиник, холерик, меланхолик и флегматик. Природный универсум приходил в гармонию с человеком, как макрокосм с микрокосмом.

По сути, и совершенный космополис представлял собой упорядоченный человеческой волей микрокосм, отразивший идеальное устройство макрокосма. Как последний делился на три иерархически нисходящие сферы – Рай, земной мир и Ад, так и космополис включал в себя три части с тремя нисходящими ярусами фортификации – верхний, средний и нижний город.

В отличие от Лиллея Кита, профессора исторической географии Белфастского университета, рассматривавшего космополисы западного мира и отмечавшего стигматизацию низших его пространств как населенных чуждыми субэтнотносами и маргиналами [22, pp. 681–698], Каффа дает совсем другой кейс. И это объясняется тем, что Каффа была таким уникальным городом, где полноправными гражданами являлись не столько латиняне, сколько левантийцы, вследствие чего западные ценности не вызывали увлечения и подражания, подвергались критическому отношению и переосмыслению, где уважались достоинства переселенцев из всех частей тогдашнего света.

В целом, такие качества города, как гражданская община, свобода, право, суд, публичные пространства, возможность их отстаивания силой, уповая на мощь фортификации, воспринимались в западном мышлении в качестве высшего достижения, однако негативно оценивались в восточном сознании как порядки, созданные человеком, склонным к слабостям, своеволию, коррупции; им активно противопоставлялся божественный порядок с присущими ему божественными законами, божьим судом, требованием справедливости.

Не удивительно, что термины “*libertas*” (2.2), “*murus*” (1.3), “*vacuum*” (1.14) в силу их крайне отрицательного осмысления оказались вообще не переведенными на персидский и татарский языки; понятие “*civitas*” (2.1) начисто лишилось своего западного контекста; все эти категории заняли на

ментальной карте третью четверть, соответствующую нечестию и несправедливости (Рис. 3). Лексемы “lex” (2.6) и “curia” (2.10) также оказались в левом поле, соотносившимся с несправедливостью, поскольку они представляли собой учреждения обычных горожан; им противостояло восточное видение закона и суда как посланных свыше божественной волей. Понятие “Deus” (4.1) было освоено в татарском мышлении через уподобление Тенгри, верховному божеству Неба всех кочевых народов Евразии. А вот термин “presbiter” (4.7) не нашел собственно тюркских аналогов, поскольку для тюркской культуры было естественным вторжение в частную жизнь кочевника, присутствие некоего надзирателя за моральной жизнью, с помощью разного рода санкций дисциплинировавшего прозелитов новой веры.

Выявленная в «Куманском кодексе» лексика средневекового урбанизма, распределенная по четырем семантическим полям, отразила существование Каффы как космополиса, в котором «социальный» мир выступал зеркальным отражением «природного» мира; в нем физическое, правовое, социокультурное и этическое устройство городского сообщества упорядочивалось в соответствии с законами природы, космоса, универсального божественного миропонимания, выходящего далеко за пределы христианского опыта.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Еманов А.Г. Небесный Иерусалим или Вавилон: выбор судьбы средневековой Каффы/Феодосии. СПб., 2022.
2. Наделяев В.М. Древнетюркский словарь / ред. В.М. Наделяев, Д.М. Носилов, Э.Р. Тенишев, А.М. Щербак. Л., 1969.
3. Пономарев А.Л. Территория и население генуэзской Каффы по данным бухгалтерской книги – массарии казначейства за 1381–1382 гг. // Причерноморье в Средние века. 2000. Вып. IV. С. 317–443.
4. Шарипов Р.Г. Духовная культура древнетюркской цивилизации. Менталитет. Религия. Искусство. Эпос. Уфа, 2015.
5. [Anonimus]. Literae Craecorum, Caldeorum, Latinorum, Egyptiorum, Hebraicorum, Samaritanorum, Tartarorum, Persarum etc. // *Multa de astronomia et theologia: [Manuscriptum / Bayerische Staatliche Bibliothek (Cod. Lat. 8950)]. XV saec. Fol. 79r–80v.*
6. Bailey H. *Architectural Representation in Medieval Textual und Material Culture.* York, 2023.
7. Balard M. *Génes et l’Ostre Mer. T. I: Les actes de Caffa du notaire Lamberto di Sambuceto 1289–1290.* Paris; La Haye, 1973.
8. Balard M. *La Romanie Génoise (XIIe – début du XVe siècle).* Rome, 1978.
9. Bolumburu A. *Construir la ciudad en la Edad Media.* Logroño, 2010.
10. Boucheron P. *Entre idéal et materiel. Espace, territoire et legitimation du pouvoir.* Paris, 2018.
11. Bourdin S. *La forme de la ville de l’Antiquité à la Renaissance.* Rennes, 2015.
12. Ceruti A. *Alberto Alfieri. Ogdoas // Atti della Società Ligure di storia Patria.* Genova, 1885. Vol. XVII. P. 253–320.
13. De Vecchie P. *La rappresentazione della città nella pittura italiana.* Milano, 2004.
14. Dozi R.P. *Glossaire des mots espagnols et portugais dérivés de l’arabe.* Leiden, 1869.

15. Drimba V. *Codex Cumanicus: Édition diplomatique avec fac-similés*. Bucarest, 2000.
16. Drüll D. *Der Codex Cumanicus: Entstehung und Bedeutung*. Stuttgart, 1980.
17. Du Cange Ch. *Glossarium ad scriptores mediae et infimae graecitatis*. Lugduni, 1688. Vol. I–II.
18. Du Cange Ch. *Glossarium mediae et infimae latinitatis*. Niort, 1883–1887. Vol. I–IX.
19. Evans A. Francesco Balducci Pegolotti. *La pratica della mercatura*. Cambridge Mass., 1936.
20. Galonifontibus, Iohannes, de. *Libellus de notitia orbis*: [Manuscriptum / Universitätsbibliothek, Universität Graz (Hs. 1221)]. Soltaniae, 1405. Fol. 41r–127r.
21. Hillen M. *Thesaurus linguae Latinae*. Lipsiae, 1900–2019. Vol. I–XI.
22. Keith D.L. *Mapping Cosmopolis: moral Topographies of the medieval City // Environment and Planning. D: Society and Space*. 2004. Vol. XXII. P. 681–698.
23. Kern A. Iohannes, archiepiscopus Sultaniensis. *Libellus de notitia orbis // Archivum fratrum praedicatorum*. 1938. Vol. VIII. P. 95–123.
24. Khvalkov E. *The Colonies of Genoa in the Black Sea Region: Evolution and Transformation*. New York; London, 2018.
25. Mostert M. *Uses of the Written Word in Medieval Towns*. Turnhout, 2014.
26. Oberste J. *Repräsentation der mittelalterlichen Stadt*. Regensburg, 2008.
27. Pantella M. *Thesaurus Linguae Graecae*. Irvine, 2014. [Electronic Resource]. Available to: <https://stephanus.tlg.uci.edu/lexica.php> (access date 1.03.2024)
28. Vigna A. *Statutum Caphe // Atti della Società Ligure di storia Patria*. 1879, vol. VII. P. II. P. 575–680.

REFERENCES

1. Emanov A.G. *Heavenly Jerusalem or Babylon: the choice of fate of the medieval Kaffa/Feodosia*. St. Petersburg, 2022. (In Russian)
2. Nadelyaev V.M. *Old Turkic dictionary*. Leningrad, 1969. (In Russian)
3. Ponomarev A.L. Territory and population of Genoese Kaffa according to the accounting book – massaria of the treasury for 1381–1382. *Prichernomor'ye v Sredniye veka*. Iss. 4, 2000, pp. 317–443. (In Russian)
4. Sharipov R.G. *Spiritual culture of the ancient Turkic civilization. Mentality. Religion*. Art. Epos. Ufa, 2015. (In Russian)
5. [Anonimus]. *Literae Craecorum, Caldeorum, Latinorum, Egyptiorum, Hebraicorum, Samaritanorum, Tartarorum, Persarum etc. Multa de astronomia et theologia*: [Manuscriptum / Bayerische Staatliche Bibliothek (Cod. Lat. 8950)]. XV saec. Fol. 79r–80v.
6. Bailey H. *Architectural Representation in Medieval Textual und Material Culture*. York, 2023.
7. Balard M. *Génes et l'Outre Mer*. Vol. 1: *Les actes de Caffà du notaire Lamberto di Sambuceto 1289–1290*. Paris: La Haye, 1973.
8. Balard M. *La Romanie Génoise (XIIe – début du XVe siècle)*. Rome, 1978.
9. Bolumburu A. *Construir la ciudad en la Edad Media*. Logroño, 2010.
10. Boucheron P. *Entre idéal et matériel. Espace, territoire et légitimation du pouvoir*. Paris, 2018.
11. Bourdin S. *La forme de la ville de l'Antiquité à la Renaissance*. Rennes, 2015.
12. Ceruti A. Alberto Alfieri. Ogdoas. *Atti della Società Ligure di storia Patria*. Genova, 1885. Vol. 17. P. 253–320.
13. De Vecchie P. *La rappresentazione della città nella pittura italiana*. Milano, 2004.
14. Dozi R.P. *Glossaire des mots espagnols et portugais dérivés de l'arabe*. Leiden, 1869.
- 15.

- Drimba V. *Codex Cumanicus: Édition diplomatique avec fac-similés*. Bucarest, 2000. 16.
- Drüll D. *Der Codex Cumanicus: Entstehung und Bedeutung*. Stuttgart, 1980.
17. Du Cange Ch. *Glossarium ad scriptores mediae et infimae graecitatis*. Lugduni, 1688. Vol. 1–2.
18. Du Cange Ch. *Glossarium mediae et infimae latinitatis*. Niort, 1883–1887. Vol. 1–9.
19. Evans A. *Francesco Balducci Pegolotti. La pratica della mercatura*. Cambridge Mass., 1936.
20. Galonifontibus, Johannes, de. *Libellus de notitia orbis*: [Manuscriptum / Universitätsbibliothek, Universität Graz (Hs. 1221)]. Soltaniae, 1405. Fol. 41r–127r.
21. Hillen M. *Thesaurus linguae Latinae*. Lipsiae, 1900–2019. Vol. 1–11.
22. Keith D.L. *Mapping Cosmopolis: moral Topographies of the medieval City. Environment and Planning. D: Society and Space*. 2004. Vol. 22, pp. 681–698.
23. Kern A. *Johannes, Archiepiscopus Sultaniensis. Libellus de notitia orbis. Archivum fratrum praedicatorum*. 1938, vol. 8, pp. 95–123.
24. Khvalkov E. *The Colonies of Genoa in the Black Sea Region: Evolution and Transformation*. New York; London, 2018.
25. Mostert M. *Uses of the Written Word in Medieval Towns*. Turnhout, 2014.
26. Oberste J. *Repräsentation der mittelalterlichen Stadt*. Regensburg, 2008.
27. Pantella M. *Thesaurus Linguae Graecae*. Irvine, 2014. [Electronic Resource]. Available to: <https://stephanus.tlg.uci.edu/lexica.php> (access data 1.03.2024)
28. Vigna A. *Statutum Caphe. Atti della Società Ligure di storia Patria*. 1879. Vol. 7, pp. 575–680.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Александр Георгиевич Еманов – доктор исторических наук, профессор, главный научный сотрудник лаборатории исторической географии и регионалистики, профессор кафедры истории и мировой политики Института социально-гуманитарных наук, Тюменский государственный университет (625003, ул. Володарского, 6, Тюмень, Российская Федерация); ORCID: 0000-0002-2352-4363, ResearcherID: L-4853-2013, Scopus AuthorID: 57220932675. E-mail: a.g.emanov@utmn.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Alexander G. Emanov – Dr. Sci. (History), Professor, Chief Research Fellow of the Laboratory for historical geography and regionalistics, Professor of the Department of history and world politics at the Institute of social sciences and humanities, Tyumen State University (6, Volodarsky Str., Tyumen 625003, Russian Federation); ORCID: 0000-0002-2352-4363, ResearcherID: L-4853-2013, Scopus AuthorID: 57220932675. E-mail: a.g.emanov@utmn.ru

Поступила в редакцию / Received 4.03.2024

Поступила после рецензирования / Revised 3.06.2024

Принята к публикации / Accepted 1.07.2024